

АЛЕКСАНДР ВАРГО

ПРАХ

Часть сборника: Прах (сборник)

Александр Варго

Прах

Серия «MYST. Черная книга 18+»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30477629

Прах: Э;
ISBN 978-5-04-091852-2

Аннотация

«С морских просторов, уныло завывая, дул пронизывающе-колкий ветер, взлохмачивая без того сбившуюся в засаленные колтуны шерсть ободранного рыжего кота. Хрипло мяукнув, хвостатый уставился своим единственно уцелевшим глазом в сторону пустынного берега. Своего второго глаза кот лишился в ожесточенной схватке с сородичами из-за дохлой вороны пару лет назад. Было бы не так обидно, если бы взамен органа зрения в качестве некой компенсации ему досталась бы эта громадная хреновина с клювом и крыльями, но тот день был явно не его, и Великий Кошачий Бог (если он, конечно, существовал) не благоволил ему. В итоге истерзанный и начинающий пованивать труп вороны достался другим, а он, ослепленный жгучей болью, визжа и мяукая, был вынужден отползти в сторону, вытирая с носа липко-розовую жижу – все, что осталось от глаза...»

Александр Варго

Прах

*«Наше прошлое куда туманнее нашего будущего,
потому что о будущем труднее соврать...»*

Народная мудрость

*«И души бывают в тумане,
В таком, что ищут маяк.
Забывать бы им об обмане,
Усвоить, что жизнь – пустяк...»*

Наталья Гора

**Сахалинская область, полуостров Деминск, берег
Охотского моря, 16 сентября 2017 года**

С морских просторов, уныло завывая, дул пронизывающе-колкий ветер, взлохмачивая без того сбившуюся в засаленные колтуны шерсть ободранного рыжего кота. Хрипло мяукнув, хвостатый уставился своим единственно уцелевшим глазом в сторону пустынного берега. Своего второго глаза кот лишился в ожесточенной схватке с сородичами из-за дохлой вороны пару лет назад. Было бы не так обидно, если бы взамен органа зрения в качестве некой компенсации ему досталась бы эта громадная хреновина с клювом и крыльями, но тот день был явно не его, и Великий Кошачий Бог (если он, конечно, существовал) не благоволил ему. В

итоге истерзанный и начинающий пованивать труп вороны достался другим, а он, ослепленный жгучей болью, визжа и мяукая, был вынужден отползти в сторону, вытирая с носа липко-розовую жижу – все, что осталось от глаза.

Впрочем, Дын (так звали кота) вскоре забыл о своем поражении, тем более что дырка в пустой глазнице быстро зарубцевалась. Новый день приносил новые испытания – урчащий желудок настойчиво требовал жрать; бродячие собаки вконец озверели и, настигая кого-либо из его собратьев, беспощадно рвали в клочья; неумолимо надвигались суровые холода... на фоне чего потеря глаза казалась сущим пустяком. Точнее, крошечный мозг животного и думать забыл об этом – тем паче, что второй глаз видел превосходно.

Дын снова мяукнул и засеменял прочь. Через несколько минут появилась неказисто-серая полуразрушенная трехэтажка с обвалившимися балконами, обрамленная буйными зарослями кустарника. Из пустых оконных глазниц веяло затхлым тленом и пустотой. Лишь на первом этаже окна были старательно затянуты полиэтиленовой пленкой, мутно-серой, местами поцарапанной и грязной, но вполне способной защитить от сильного дождя.

Когда-то за двором, как это общепринято в цивилизованном городе, следили коммунальные службы, ежедневно убирая и вывозя мусор, кустарники и газоны аккуратно подстригались, а бордюры и газонные ограды регулярно обновлялись свежей краской. Теперь же истрескавшиеся под воздействи-

ем времени и погодных явлений бордюрные блоки напоминали раскрошенные зубы великана, а изогнуто-проржавевшие ограды так и просились на свалку, даже не претендуя быть сданными в металлолом.

Помочившись, Дын закопал влажное пятно. Фыркнув, он вспрыгнул на ступеньки, сплошь покрытые сколами, как вдруг замер и резко обернулся. Слипшаяся на загровке шерсть поднялась дыбом.

Из пожухлого кустарника неторопливо выползла крупная облезлая крыса. Грязно-розовый хвостик мягко обвил лапы грызуна, блестящие глаза-бусинки изучали кота пронзительно-холодным взглядом. Создавалось ощущение, что крыса совершенно не боится животного, которое по всем законам природы является охотником на него самого.

Остатки рваных ушей Дына слегка приподнялись, он припал к ступенькам и, вытянув вперед тощую шею, яростно зашипел. Крыса молча наблюдала за котом, и лишь когда тот, возмущенный ее спокойной реакцией, спрыгнул со ступеньки, с подчеркнутой ленцой уползла обратно в кусты. Несколько секунд Дын неотрывно глядел ей вслед, затем чихнул и, быстро потеряв интерес к крысе, снова заспешил в дом. Входная дверь отсутствовала уже лет пять, и кот беспрепятственно прошмыгнул в зияющую черную дыру, ведущую в стылый подъезд.

Миновав прислоненный к стенке измятый почтовый ящик, он остановился у одной из квартир. Она была един-

ственная в доме, где еще имелаась дверь – обшарпанная, потемневшая от въевшейся грязи и плесени, но все же это была дверь, которая открылась с протяжным скрипом, едва Дыну стоило поскрестись когтями.

Наружу выглянуло старушечье лицо землистого цвета, сплетенное из глубоких морщин. Казалось, если сунуть монетку в одну из заиндепевших складок, она так и останется там торчать.

– Это ты, старый обормот? – прокаркала пожилая женщина. У нее был такой вид, будто с минуты на минуту она ждала курьера с дымящейся пиццей и была раздражена, когда вместо него перед ее глазами предстал помойный кот с торчащей колтунами шерстью.

Впрочем, никаких курьеров и пиццерий тут не было и в помине. Не только в округе, но и в радиусе десятка километров как минимум. Ранее процветающий и подающий надежды Деминск, будучи крупным морским портом, всего за пару десятилетий обезлюдел, выцвел и усох, как сброшенная кожа змеи. Города, по сути, не было, он был давно мертв.

– Для тебя жрать нечего, – предупредила старуха, пропуская кота в жилище. – Надеюсь, ты поймал какую-нибудь ленивую мышь.

Он потерялся о темные, испещренные гроздьями лилового варикоза ноги старухи и уже неспеша двинулся вглубь помещения.

Вздыхая, старуха прикрыла дверь и зашаркала следом. На

ней был измято-выцветший балахон с накинутым на голову капюшоном и ветхая, протертая до дыр юбка, закрывающая до колен костлявые ноги, обутые в пыльные калоши. Поражала неестественная и даже жуткая худоба и сухощавость этой странной, неряшливо одетой женщины – ее словно выжали, как мокрую губку, а затем положили на подоконник, под лучи палящего солнца, где она основательно усохла, съежилась и растрескалась, и лишь после этого ее швырнули за окно, как окаменевшую воблу. Однако вопреки законам биологии это несчастное создание вдруг ожило, поднялось на ноги и, кряхтя, поплелось по своим делам.

Дын обошел все углы, старательно принохиваясь, и, не найдя ничего съестного, остановился возле самодельной, до-нельзя закопченной печки.

– Мяу, – на всякий случай подал он хриплый голос.

– Пошел на хрен, – не глядя на него, буркнула старуха. Она стояла на так называемой кухне, окидывая внимательным взором расставленную на дряхлом столе нехитрую провизию – несколько черствых лепешек, две вяленые рыбы, мутную банку с сушеными ягодами и яблоко с коричневым боком.

Женщина озабоченно покачала головой, затем взяла одну лепешку, зачерпнула мятым ковшиком воды из стоявшего поодаль ведра и заковыляла в другую комнату. Там, у окна, в скособоченной инвалидной коляске притулился высокий

тощий мужчина. Наголо выбритый череп и чрезвычайно худое лицо, как и у пожилой обитательницы дома, делали его похожим на узника концентрационного лагеря. Он постоянно моргал, как если бы не был до конца уверен, где явь, а где сон.

На нем был засаленно-белесый спортивный костюм, и лишь при ближайшем рассмотрении можно было догадаться, что когда-то он был черным. Обмякшие ноги неестественно свисали с просевшего сиденья, словно два чулка, набитые мусором. На коленях молодого человека лежала неоконченная поделка из деревяшки – кошачья оскаленная морда. Верхняя часть штанов и весь пол под инвалидом были усеяны стружками.

– Я скоро уйду, – сказала старуха и, помедлив, прибавила: – постараюсь вернуться как можно скорее.

Ее взор уткнулся в резак, который сжимал в руке мужчина.

– Смотри, не порежься.

– Д... Дын, – всхлипнул он, тыкая пальцем в деревянную поделку.

– Ага, я вижу. Знаешь, очень похоже, – похвалила старуха. Новый порыв ветра зашевелил мутную пленку, иссеченную царапинами, как старый пиратский парус. Она подошла к окну и, приникнув к крохотной дырочке в полиэтилене, прошептала:

– Так я и предполагала. Ветер усиливается. Так все и

должно случиться. Дай-то Бог...

– Не... ходи, – с усилием выдавил сидящий в коляске.

Старуха погладила его по голове. Недавно сбритые из-за вшей волосы уже начали потихоньку отрастать, и череп инвалида был шершавым, как наждак. Но она любила эти прикосновения. Как и своего беспомощного сына.

Он умоляюще смотрел на нее, и та с болью подумала о собаке, которая смотрит своими влажными глазами на уезжающих хозяев, которые бросили ее на обочине. Просто потому, что надоела.

Но она – не они. И она никогда не бросит своего сына.

И ей нужно во что бы то ни стало сегодня сделать это дело. Пусть даже пойдет снег, град, цунами и разверзнется земля, выпуская наружу смертоубийственное пламя из преисподней. Ни ангелы, ни черти не помешают ей.

Главное – ноги.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы ее подвели собственные ноги. А ведь с каждым днем ей все сложнее и сложнее выходить наружу. Будь то поиск еды или тряпок для заделки щелей в их доме.

Она старалась не думать о предстоящих трудностях, с которыми ей придется столкнуться. Потому что последние несколько часов перед глазами старой женщины все отчетливей вырисовывался жуткий образ: время утекает, а она лежит на полдороге с распухшей, одревеневшей ногой, не в силах продолжить путь, и от этого ее прошибал ледяной пот.

С большим трудом старуха опустила на корточки, и их лица оказались на одном уровне. Две нескладные уродливые куклы из третьесортного слэшера, одетые в рванину, на которой побрезговали бы спать уличные псы.

– Ромочка. Мне очень нужно. Понимаешь? – медленно, едва ли не по складам произнесла она, заглядывая в беспрестанно моргающие глаза сына.

– Ма...

– *Нам* нужно, – поправились старуха. – Нам обоим это нужно. Другого выхода нет.

Роман издал хлипко-всасывающий звук. Так ребенок допивает через соломинку остатки лимонада из бумажного стаканчика. Из уголка его рта потекла слюна.

– Все будет чудесно, – мягко произнесла старуха. Она заботливо вытерла губы сына и улыбнулась ему. Казалось, на почернелом сморщенном яблоке сделали надрез.

– Ма... ма, – еле ворочая языком, выдавил молодой человек.

Старуха обняла его.

– Ты справишься, ты сильный. И у тебя все получится. Я оставлю тебе поесть. Видишь? Лепешка и рыбка. Захочешь пить, вот ковшик с водой.

– Пло... он... – вновь всхлипнул Роман. Губы вновь повлажнели от слюны.

Старуха отстранилась, с недоумением глядя на сына. Она научилась понимать его с полуслова.

– Плохой сон? Тебе приснилось что-то нехорошее?

Он кивнул с обреченным видом.

– Это ничего не меняет, – сказала она после короткого раздумья. – И мне все равно придется идти.

С величайшей осторожностью женщина выудила из кармана облупленные часы на заскорузлом шнурке. Кожаный ремешок давно истрепался, и она носила часы в кармане. Пожалуй, единственный предмет из той жизни, когда все было по-другому – за окном слышался детский смех, в доме работал телевизор, играла музыка, по улицам ездили автомобили, и все было прекрасно. Несмотря на пройденные годы, механизм часов все еще был рабочим и исправно показывал время.

Оставалось еще чуть более часа. Может, полтора. Но лучше выйти заранее, чтобы успеть все сделать не торопясь.

– Рассказать тебе что-нибудь? – спросила она, но Роман неожиданно встрепенулся. Повернув голову в сторону окна, он нахмурился. Затем испуганно взглянул на мать.

– Что там? – тихо спросила старуха, сдвинув брови.

На лбу инвалида выступил пот, пальцы мелко задрожали, резак выскользнул из чумазных пальцев.

А меньше чем через минуту в подъезде послышался шум, после чего кто-то настойчиво забарабанил в дверь.

– Этого не может быть, – ошарашенно проговорила старуха. – Тут... – Она закашлялась, прочищая горло, – тут никого нет! Нам просто показалось!..

Стук в дверь возобновился с удвоенной силой, и она вздрогнула. Еще немного, и хлипкое прикрытие, условно называющееся дверью, не выдержит.

– Ма... – хлопнул Роман.

– Все хорошо, сынок, – успокаивающе сказала она, но при этом ненавидя себя за дрогнувший голос. – Я сейчас все узнаю.

Шаркая грязными калошами, женщина потащилась к входной двери. Застыла, прислонившись ухом к ветхим лохмотьям дермантина.

– Кто это? – выдохнула она.

Стук прекратился, и тут же раздался хриплый шепот:

– Откройте... я ранен.

Скрюченная птичья рука уже потянулась к замку, как морщинистое лицо женщины накрыла тревожная тень. От этого странного каркающего голоса за дверью веяло бедой.

– Я ничем не смогу тебе помочь, – ответила она напряженно. – У меня только вода. Даже чистых тряпок нет.

От последовавшего толчка в изветшалую дверь старуха отпрянула, как от ядовитой змеи. У нее пронеслась мысль,

что еще пару крепких толчков, и замок попросту вылетит внутрь вместе с дверью.

– Открой... Я истекаю кровью, – прохрипели снаружи.
«Плохой сон».

Слова сына колыхнулись в памяти, как облитые бензином угли.

Едва соображая, что делает, старуха повернула ключ, выталкивая ригель из разохшейся рамы, и дверь тут же рванули на себя. Она отшатнулась, с испугом глядя на вихрем влетевшего мужчину. Незнакомец был невысокого роста, коренастый, взгляд волчий, исподлобья. Темно-серая куртка и такого же цвета штаны в прорехах заляпаны свежей грязью, правая рука залита кровью.

Прежде чем старуха успела что-то сказать, вошедший торопливо захлопнул дверь, привычным движением повернув ключ, как будто делал это несколько раз на дню.

– Кто ты? – спросила она, постепенно приходя в себя.

– Кто еще дома? – вместо ответа спросил незнакомец. Старуха заметила на его худом кадыке громадный рубец.

«Теперь понятно, отчего у него такой простуженный голос», – подумала она.

– Тебя не учили здороваться? – задала она вопрос, но незванный гость, раздраженно оттолкнув ее в сторону, бесцеремонно прошел внутрь. Увидев сидящего в инвалидном кресле Романа, он замер и несколько секунд ощупывал его недоверчиво-колючим взором, от беспомощных ног до из-

желта-голового черепа. Роман тоже смотрел на странного визитера, беспокойно моргая глазами.

– Кто это? – не оборачиваясь, поинтересовался вошедший.

– Мой сын, – с достоинством ответила старуха, прошаркав в комнату. – Может, все-таки соизволишь рассказать, что случилось?

Тот обернулся.

– Я попал в аварию, – глядя в сторону, произнес он. – В нескольких километрах отсюда. Все погибли. Мне нужна чистая одежда и бинты.

Она усмехнулась. Про себя пожилая женщина уже поняла, что из себя представляет этот чумазый тип с окровавленной рукой.

– Авария, говоришь? Машина, поди, с решетками была?

В глазах незнакомца мелькнули опасные огоньки, но старуха продолжала, словно не замечая этого:

– Много лет сюда не заглядывала ни одна живая душа. Ближайший поселок «Салкановский» отсюда в одиннадцати километрах, но ты явно не оттуда. Но зато тут еще есть колония особого режима. Вот, собственно, и все.

Она приблизилась к мужчине вплотную.

– Так что не лги мне, мальчик. Хочешь, я дам тебе осколок зеркала? Полюбуйешься на себя и сам поймешь, как смешно звучат твои слова про аварию. На тебе тюремная роба. На твоих запястьях следы от наручников. А твоя рана... Уж

очень смахивает на дырку от пули.

С этими словами старуха ткнула узловато-кривым пальцем в рваное отверстие на его плече, из которого все еще сочилась кровь. Грязный длинный ноготь попал точно в сырую мякоть раны, и лицо мужчины исказилось от боли. Издав хриплый клекот, он размахнулся и ударил старуху. Крепко сбитый кулак угодил ей в лицо, чавкнул сломанный нос, и хозяйка дома, не удержавшись, рухнула на пол, неуклюже подвернув ногу. Тонко хрустнула кость, и она отключилась. На ее побледневшем лице застыла кривая усмешка.

– С-сука, – сплюнул мужчина. Он покосился на свою рану, заскрипев зубами.

– У... бя, – с трудом выговорил Роман. Нижняя губа молодого человека задрожала, изо рта вновь закапала слюна. Он вытянул вперед трясущуюся руку, направив резак в сторону беглого зэка.

– Очень страшно, – кивнул незнакомец. – Я уже наложил в штаны от испуга.

– Уб... бя, – упрямо повторил инвалид.

Мужчина шагнул вперед и ударом ноги вышиб нож из его костлявой руки. Лицо Романа скривилось, будто он вот-вот заплачет.

– Угомонись, – велел уголовник. – Ты что, псих?

Роман не ответил. Тяжело дыша, он сверлил его испепеляющим взглядом. Вероятно, если бы мысли могли убивать, от незнакомца осталась бы горстка дымящейся золы.

– Псих, – сделал вывод «гость».

Присев на корточки, он задрал веки старухи, потом пощупал пульс.

– Жива твоя мамка, – бросил он Роману. – В следующий раз подумает, прежде чем свои клешни под нос совать.

После этого мужчина быстро обследовал комнаты, и по мере того, как он переворачивал скудные пожитки жильцов, его лицо мрачнело. Из одежды ему удалось обнаружить лишь грязную футболку и засаленные тренировочные штаны, отвратительно воняющие мышами.

– Такими даже полы драить запаadlo, – хмуро произнес он вслух. Выругавшись, он швырнул треники в сторону самодельной печки, и они, словно кишки, повисли на измятой, черной от копоты трубе.

На кухне он наткнулся на лепешки с рыбой. Рассеянно пережевывая черствый хлеб, он, оглядываясь по сторонам, неожиданно увидел пришипленную к штукатурке фотографию. В какой-то момент беглый зэк чуть не поперхнулся.

На фото была изображена девушка. Даже не девушка, а девочка, подросток, которой едва ли исполнилось тринадцать. Золотистые вьющиеся волосы, изумрудные глаза, обворожительные ямочки на щеках и обезоруживающе-яркая улыбка. Улыбка маленькой принцессы, еще не заостреннейшей от житейских трудностей, свойственных взрослым людям, в особенности обитающих здесь, в суровых условиях Дальнего Востока.

Целую минуту мужчина безмолвно рассматривал фотографию. В заплесневело-грязном захолустье эта чудесная девчушка смотрелась так же неуместно, как сапоги ассенизатора на алтаре.

«Наверное, это внучка той старой гримзы», – подумал он, доедая лепешку.

К изумлению мужчины, фотография в буквальном смысле притягивала как магнит, и он с неохотой оторвал взор от карточки.

Пора бы позаботиться о себе. Согреть воды, обработать рану...

Под ногами что-то зашуршало, и он вздрогнул.

Бледно-рыжий кот прошмыгнул мимо, задев его ногу облезлым хвостом, и опрометью метнулся прочь.

– Засранец, – с облегчением вздохнул зэк.

Он вернулся в комнату, где оставил инвалида с хозяйкой дома, и остолбенел.

Старухи не было. Небольшая лужица крови, вытекшая из разбитого носа, пока она лежала на полу, – единственное, что напоминало о хозяйке дома.

Мужчина перевел тяжелый взгляд на Романа.

– Где она? – процедил он.

Инвалид молчал, затравленно глядя на него.

– Семейка уродов, – выругался уголовник.

За спиной раздался тихий смешок.

Он резко повернулся и тут же пошатнулся от сильного

удара арматурой по голове. В мозгу что-то оглушительно лопнуло, в глазах заискрились обжигающие всполохи, и на этот раз сознание потерял он.

– Все замечательно, Рома, – прошелестела старуха. Капюшон слетел с ее головы, обнажив голый череп в грязных разводах.

– Ма... – выдавил Роман.

Ему было страшно. Его пугал этот злой незнакомец, что едва не убил его маму. Пугала кровь, лужей растекшаяся по пыльному полу. Его пугала сама мама – хрипло дышащая, с кривой арматуриной в руке, залитым кровью лицом, с трудом подволакивающая ногу. Роман обратил внимание, что после того, как мама очнулась и поднялась, она стала хромать еще сильнее.

– Ничего страшного, – промолвила старуха, уняв дыхание. Она изучающе глядела на распластавшегося мужчину. – Мне кажется, я видела его раньше. У меня отличная память на лица. Вполне возможно, что когда-то этот неудачник жил здесь.

За окном послышался шум работающего двигателя.

Мать и сын обменялись напряженными взглядами.

– Это за ним, – прошептала старуха. – Его ищут.

Ухватив незнакомца за ноги, она, кряхтя и отдуваясь, поволокла его в самую дальнюю комнату. Подтащив бесчувственное тело к подвалу, она откинула крышку. В нос шибануло плесенью и чем-то протухшим.

– Постарайся упасть мягко. Потому что, если ты переломашь себе ноги, я убью тебя, – предупредила старуха, вытирая пот с грязного лба. – Мне нужны твои ходули, парень.

Она перевела дух и уже собиралась столкнуть мужчину в чернеющий зев, как тот открыл глаза.

– Я вырву твое сердце, ведьма, – проскрипел он, пытаясь подняться. – Я...

– Заткнись, идиот, – оборвала его старуха, но голос ее звучал беззлобно. Напротив, он был спокойным и даже деловитым, как если бы она намеревалась предложить беглому преступнику сделку. – За тобой приехали. Если будешь сидеть тихо, никто ничего не узнает. Потом я перевяжу тебя.

Зэк оторопело смотрел на пожилую нищенку. Кровь тонкой струйкой стекала из раны на лбу.

– У них может быть собака, – не очень уверенно предположил он.

– Сейчас это неважно. Просто сиди и молчи. Давай, полезай внутрь.

Старуха уже собиралась захлопнуть за ним крышку, как внезапно ей пришла в голову одна мысль. Хромая, она потащила в комнату к сыну, направившись к колченомому стулу с грубо вырезанной дырой на сиденье. Наклонилась, вытаскивая из-под него облезлый горшок, предусмотрительно накрытый крышкой.

– Это отобьет запах, – хмыкнула она. – Хорошо, что я не успела вылить...

– Ма... – жалобно протянул Роман.

Старуха обернулась.

– Ты должен молчать. Понял? Какие бы тебе ни задавали вопросы.

Инвалид покорно кивнул.

– Веди себя так, как будто ничего не произошло.

Вернувшись к подвалу, пожилая женщина наклонилась вниз.

– Прижмись к стене, – приказала она, выплескивая нечистоты внутрь.

Улыбнулась, услышав, как беглый зэк прошипел какое-то ругательство.

– Ничего, потерпишь, – сказала она.

– Дай мне хотя бы нож! – злобно потребовал уголовник.

Старуха покачала головой.

– Он тебе не поможет, если тебя найдут. Тебя изрешетят, как сито.

Снаружи постучали, едва она успела затереть на полу кровь.

Перед тем как подойти к двери, она посмотрела на Романа.

– Все будет хорошо, – сказала она ободряюще и подмигнула сыну.

В дверь снова яростно забарабанили.

– Откройте, полиция! – пробасил кто-то.

Вздохнув полной грудью, старуха поплелась в прихожую. Каждый шаг отдавался хлесткой болью в колене, казалось, ногу проткнули раскаленным шомполом.

«Боже, помоги мне», – мысленно взмолилась она, отпирая дверь.

Снаружи стояло трое крупных мужчин. Физиономии уставшие и мрачные, с мешками под глазами, взгляды угрюмо-неприязненные.

Вперед вышел грузный полицейский, на погонах блеснули капитанские звездочки.

– Участковый уполномоченный Гнатюк. Попрошу предъявить документы.

Старуха усмехнулась:

– Вряд ли они вас устроят. У меня паспорт СССР.

Полицейский обменялся взглядом с одним из светловолосых мужчин, одетым в «гражданку» – вытертые джинсы и легкую куртку.

– Кто еще дома есть? – спросил он, испытывающе сверля старуху темными глазами-буравчиками.

– Мой сын. Что произошло?

Участковый опустил мясистую ладонь на потускневшую от времени дверную ручку:

– Пусти нас внутрь. Надо поговорить.

Он уже намеревался пройти, но старуха неожиданно потянула дверь на себя, зажав его ботинок.

– А ну, не балуй! Открой немедленно! – рассердился ка-

питан. Ему удалось высвободить ногу, и дверь с грохотом закрылась.

– Я ничего не нарушила. И не обязана пускать вас внутрь, – спокойно отозвалась изнутри пожилая женщина. Одутловатая физиономия полицейского стала пунцовой от ярости.

– О...шая сука, – процедил он.

– Я все слышу, – хихикнула старуха. – Не к лицу стражам порядка сквернословить.

– Послушайте, мы ищем сбежавшего преступника, – заговорил блондин, решив взять инициативу в свои руки. У него был уверенный, хорошо поставленный голос. – Моя фамилия Киреев, я старший оперуполномоченный областного управления ФСИН. Мы бы не стали вас беспокоить, если бы это не было так серьезно.

– Здесь нет никого, – помолчав, ответила пожилая женщина. – Вы первые, кого я вижу за десять лет в этих местах.

Блондин глубоко вздохнул.

– Может, его и правда тут нет? Полуостров большой, – подал голос третий мужчина, облаченный в трехцветный лесной камуфляж. На его плече висел укороченный «калаш». – Здесь много мест, где можно скрыться.

– Он бежал в этом направлении, – возразил блондин. Затем подергал ручку:

– Если вы не откроете, мы ломаем дверь.

– Откуда я знаю, что вы сотрудники полиции и как там

его... ФСИН? Может, вы сами бандиты?

– Вы можете позвонить в наше управление, и мою личность подтвердят, – скрипя зубами, предложил опер. Было видно, что он сдерживает себя из последних сил.

– У меня нет телефона, – ответила старуха, и по произнесенному тону чувствовалось, что она чуть ли не гордится этим фактом.

Капитан выразительно посмотрел на коллег, после чего театрально закатил глаза и покрутил у виска толстым, как разваренная сосиска, пальцем.

– Кажется, я знаю это чучело, – сказал он. Полицейский наморщил лоб, будто вспоминая что-то. – Она одна отказалась от переселения. И уже давно сбрендила. Кажись, с ее семьей что-то случилось.

– Сергей, ломай, – коротко приказал блондин, которому явно надоела эта канитель.

Мужчина в камуфляже передал ему автомат и с силой навалился на дверь. Раздался жалобный треск, посыпалась труха. Он ударил снова, громко хрустнула выдираемая рама, и дверь буквально вырвало из петель, как гнилой зуб.

Камуфляжник отряхнул ладони, очумело озираясь по сторонам.

– Ну и дыра, – фыркнул он, потянув носом.

Старуха молча смотрела на мужчин, в глубоко запавших глазах затаилась ненависть.

– Не могла по-хорошему, да? – ухмыльнулся участко-

вый. – Решила права покачать?

– Вы напугаете моего сына, – сквозь зубы проговорила она. – Вот мой паспорт.

С этими словами нищенка протянула донельзя истрепавшуюся книжицу блондину, но тот даже не взглянул на документы. Приблизившись к старухе вплотную, он спросил, прожигая ее ледяным взглядом:

– Он у тебя? Говори быстро. Соврешь – сядешь. Причем надолго, я об этом позабочусь.

– Вы думаете, меня испугает тюрьма? Посмотрите, в каких «хоромах» я живу. У вас меня хоть кормить будут бесплатно.

– Не ерничай, – обозлился опер. – Отвечай!

– Здесь только я и мой сын, – отчеканила она. – Я уже говорила.

Опер протянул руку и больно стиснул пальцами ее высохший подбородок. На глазах старухи выступили слезы, но лицо ее продолжало оставаться ровным и даже безмятежным.

– Я чувствую кровь, старая кляча, – тихо промолвил он. – Что у тебя с носом?

– Упала, – спокойно ответила старуха.

– Как столб, прямо рожей об пол? – не поверил блондин. – Когда человек падает, он выставляет вперед руки.

– Я несла дрова. Батареи у меня нет, приходится топить печку по старинке, – мягко объяснила старая женщина.

– Что ты здесь делаешь?

Она взглянула на него как на непроходимого тупицу.

– Живу.

– В этом хлеву? Я слышал, по государственной программе Деминск расселяли в соседние области. Тебе должны были предоставить нормальное жилье. Чего ты здесь торчишь?! Вообразила себя Робинзоном Крузо?!

Старуха пожала плечами.

– Я выросла тут. И я не предам землю, на которой прожила всю жизнь я и мои предки.

Блондин холодно улыбнулся.

– Зато здешняя земля предала тебя, – сказал он, отпуская ее подбородок. Понюхал пальцы, сморщившись, затем вытер ладонь об джинсы. – Ты уже не похожа на человека. Так, нечто среднее между животным и дерьмом.

– Зато вы очень похожи на людей, – печально произнесла она. – Настоящие «мужчины».

– Борисыч! – позвал полицейский, и блондин двинулся в соседнюю комнату. Помедлив, старуха заковыляла следом.

Камуфляжник стоял перед Романом, он разглядывал тощего инвалида с такой брезгливостью, словно перед ним был не человек, а размазанные колесом ошметки жабы, к которым уже торопливо слетались зеленые мухи.

– Ау, парень? – сказал он, помахав жесткой ладонью перед застывшим лицом инвалида. – Ты что, тук-тук?

– Оставьте его, – попросила старуха. – Он вас боится.

Капитан, скривившись, шагнул вперед:

– Бля, ну и вонь тут... Слышь, але, гараж!

Роман закрыл лицо руками, сгорбившись.

– Он болен, – снова подала голос женщина. – Прошу ва...

– Закройся! – рявкнул полицейский. Он ткнул толстым пальцем в плечо инвалида. – Ты умеешь разговаривать? Отвечай!

– Ма... ма, – всхлипнул Роман.

Блондин задумчиво провел подошвой кроссовки по еще влажному пятну посреди комнаты. Там, где несколько минут назад старуха старательно замывала кровь.

– Не старовата ли ты для матери, а? Этому парню лет двадцать пять, а ты вся мхом покрылась, – сказал он. Старуха ничего не ответила, и он вкрадчиво спросил:

– Знаешь, кого мы ищем, а? Конечно, не знаешь. Телевизора здесь нет, газеты сюда не носят, про Интернет вообще молчу. Этого урода зовут Труднов Илья. Илюшенька, мать его. Большой выродок. Насиловал в Хабаровске старух, отрубал им конечности, вытаскивал кишки, а вместо них набивал животы тряпьем, после чего зашивал. На чердаке его дома нашли шесть трупов. Эту мразь везли на очередную экспертизу, но его отбили по дороге. При побеге один конвоир был убит, второй тяжело ранен, не знаем, выкарабкается ли. У первого остались маленькие дети.

На лице старухи не дрогнул ни один мускул.

– Что, не впечатлило? – прищурился опер. – Наверное, живя среди дерьма и крыс, тебя уже трудно чем-то удивить?

Краем глаза пожилая женщина увидела, как камуфляжник направился в комнату с подвалом, и ее искривленные артритом пальцы крепко сжались.

– Ладно, Борисыч, – закричал капитан. Сняв фуражку, он вытер несвежим платком вспотевшую лысину. – Не хрена тут ловить. Еще чесотку подцепим или триппер какой-нибудь. Кстати...

Он приблизился к старухе.

– Я тебя помню. У тебя ведь семья куда-то исчезла. А?

– Это было давно, – бесцветным голосом ответила она.

– А это кто в коляске? Так что, нашелся сынок?

– Выходит, нашелся, – кивнула старуха, шмыгнув распухшим носом.

В комнату заглянул камуфляжник:

– Борисыч, там погреб есть.

Блондин и участковый обменялись многозначительными взглядами.

– Иди, показывай, что у тебя за яма, – сказал опер, грубо толкая старуху. Она молча зашаркала вперед, припадая на вывихнутую ногу.

– Только воняет там просто писец, – добавил камуфляжник.

Полицейский присел на корточки перед распахнутым подвалом, осторожно принялся.

– Вы че, ссыте туда? – недоверчиво поинтересовался он, скорчив гримасу отвращения.

– Ага. И срем тоже, – с серьезным видом ответила старуха. – Кстати, мне как раз нужно облегчиться... Вы не возражаете?

Она прошла мимо камуфляжника и задрала замызганную юбку.

Полицейский потрясенно мигнул, словно не веря своим глазам.

– Шизанутая, – сплюнул он.

– Ну? Будете смотреть?! – неожиданно визгливо выкрикнула старуха, присаживаясь на корточки.

Не говоря ни слова, мужчины вышли из комнаты.

Блондин с демонстративным злорадством прошелся по выломанной двери, оставляя на расползшемся дермантине пыльные следы, и у самого выхода резко обернулся.

– Если я узнаю, что ты помогла ублюдку, я вернусь, старая кляча! – крикнул он. – И поверь, ты будешь умолять меня пристрелить тебя.

Выйдя из подъезда, они направились к забрызганному грязью полицейскому «УАЗу».

– Гнилое это место, – вдруг нарушил молчание полицейский. – Я прямо шкурой чувствовал, что какая-то херня в местном воздухе. Отравлено тут все.

– Но тем не менее эта дырявая калоша как-то существует здесь. Да еще с этим слюнявым паралитиком, – сказал блондин.

– Куда двинем? – полюбопытствовал камуфляжник, заво-

дя двигатель.

– Куда-куда... Е...ть верблюда, – хмуро огрызнулся опер. – Возвращаемся в управление. Я свою смену отпахал, пускай другие ищачат.

* * *

Она спустилась к выходу и долго прислушивалась, но, кроме заунывного воя ветра, до ее старческих ушей ничего не доносилось. Вздохнув, старуха медленно двинулась обратно.

Некоторое время она с грустью смотрела на сиротливо валяющуюся дверь, испачканную мужской обувью. Ей было до слез жаль эту несчастную, разбитую дверь, которая служила ей много лет, защищая от сквозняка и крыс...

– Гореть вам в аду, – покачала она головой. Лишь с третьей попытки ей удалось поднять ее, кое-как прислонив к развороченному косяку.

«От крыс это не спасет – мрачно подумала она. – И от ветра тоже».

Но сейчас была проблема поважнее крыс и погодных сурпризов.

Этот сбежавший зэк, сидящий внизу, должен помочь ей. И она расшибется в лепешку, чтобы добиться своего.

– Рома! – ласково позвала она.

Инвалид медленно убрал костлявые руки от лица, пере-

мазанного влажно-блестящей мешаниной из слез и соплей.

– Положись на меня, – сказала старуха, беря в руку ржавый обрезок арматуры.

Скрипя зубами от боли, яростно грызущей ногу, она вернулась к подвалу. Склонилась над воняющей черной ямой:

– Вылезай. Они уехали.

«Да. Но они могут вернуться, – внезапно шепнул ей внутренний голос. – И тогда все полетит к чертям».

Плевать.

Времени почти не остается, так что придется рискнуть.

Меньше чем через минуту на поверхности показалась всклокоченная, залитая кровью голова мужчины.

– Привет, Илюша-твою-мать, – нараспев проговорила старуха. Она с надсадным скрипом провела арматуриной по растрескавшемуся полу. – Тут много чего интересного о тебе говорили. Небось сам слышал?

– Слышал, – проворчал Илья, выкарабкиваясь из подвала. От него разило нечистотами, и он брезгливо оглядел себя с ног до головы. Затем исподобья посмотрел на усмехающуюся женщину, которая лениво перекладывала стальной прут из руки в руку.

– Даже не пытайся распускать руки, мальчик. Тронешь меня хоть пальцем, я охреначу тебя этой штуковиной повторно. Может, на этот раз вправлю твои мозги.

– Тебе смешно? – заорал беглый зэк. – Ты чуть не пробила мне башку, ведьма! А потом облила меня ссаньем! Знаешь,

что за это делают на зоне?!!

Ухмылка нищенки стала еще шире. Надрез на печеном яблоке увеличивался, грозясь разрезать сгнивший фрукт пополам.

– А ты сломал мне нос, – парировала она хладнокровно. – Из-за тебя, некультурного мудака, я вывихнула ногу и еле хожу. По твоей милости эти обезьяны в погонах сломали мне дверь. Они до смерти напугали моего сына и угрожали меня убить. А все потому, что я не выдала тебя. Может, так до тебя дойдет?

Илья молчал, гневно раздувая ноздри. Казалось, вот-вот, и он снова ударит разглагольствующую старуху.

– Ты что, и правда собиралась гадить вниз? – наконец спросил он. – Тогда, при шакалах?

Она сделала костлявой рукой жест в воздухе.

– Роль нужно было играть до конца. Подумаешь, одной порцией дерьма больше, одной меньше... Ты все равно был испачкан. Или для тебя важнее сдохнуть, но при этом остаться чистеньким?

– Ты спятила.

– Наверное. Кстати, меня зовут Наталья, – представилась старуха, и на этот раз ее тон был примирительным. – И я не такая уж старая. В этом году мне исполнится пятьдесят четыре года.

Илья с недоверием уставился на свою новую знакомую:

– Не обижайся, но ты выглядишь на сто пятьдесят четыре.

А то и больше.

Наталья засмеялась дребезжащим смехом, и он непроизвольно подумал о гремящих костях в гробу.

– Поживи с мое, Ильюша, и я посмотрю, каким станешь ты.

Труднов с раздражением отметил, что его имя она произносила кривляясь, нарочито выделяя смягченную мягким знаком букву «ю».

Он поднялся на ноги.

– Зачем ты меня спрятала?

– Ты удивлен? Наверное, пока сидел в тюрьме, и думать забыл о таких вещах, как сочувствие? Жалость? Сострадание?

Илья злобно улыбнулся:

– С точки зрения закона, ты преступница. Я читал Уголовный кодекс.

– Не вся наша жизнь укладывается в рамки законов, – философски изрекла Наталья.

– Наверное. Но...

Илья замялся, словно растерявшись.

– Что «но»?

– Ты... ты ведь слышала. Ну, в чем меня обвиняют.

Слова падали, словно капли раскаленного олова, оставляя за собой дымящиеся струйки пара.

Наталья сощурилась.

– А ты правда насиловал этих несчастных старушек, а по-

том расчленил их? – вполголоса поинтересовалась она.

Труднов отвел взор, уголки его рта безвольно опустились.

– Так говорят, – с усилием проговорил он.

– Что говорят?

Темные глаза уголовника на мгновение вспыхнули уже знакомым Наталье блеском. Нехорошим блеском. Так хищно блестят зазубренные острия «розочки», которая через секунду готова погрузиться в горло обидчика.

– Я не хочу обсуждать это сейчас, – отрезал он, и старуха решила отстать с расспросами.

– Ладно. Я дам тебе кое-какую одежду. У меня кое-что осталось из неприкосновенного запаса... – промолвила она. – Снимай свое рваньё. Не бойся, я его сожгу. А заодно посмотрю твою рану. Ты лоб-то не лапай грязными руками! Не волнуйся, там просто царапина.

– Хрена себе, царапина, – проворчал Илья. – Хлещет, как из свиньи.

– Ты еще не видел, что такое настоящее кровотечение. К тому же раны на голове всегда сильно кровоточат.

– А если эти шакалы вернутся?

– Не вернутся. Тем более скоро стемнеет, – уверенно заявила Наталья. После небольшой паузы она прибавила уже серьезней:

– А если вернутся, нас убьют.

И хотя после побега Илья где-то на уровне подсознания готовился к подобному сценарию, от слов старухи его спину

будто бы обожгло мертвым холодом.

Спустя сорок минут беглец сидел на деревянном ящике. Его рана была тщательно обработана и перевязана полосками из остатков относительно чистой простыни. На нем были выцветшие, но опрятные брюки и слегка мятая рубаша в мелкую клетку. На голове красовалась серая кепка с истрепанным козырьком.

– А говорила, что только вода есть.

– Я хранила эти вещи много лет. Они принадлежали моему мужу, – рассеянно сообщила Наталья. Она все чаще поглядывала в окно, сжимая и разжимая кулаки.

Смеркалось.

«Пора бы уже приступить к делу...» – озабоченно подумала старуха.

– Что с твоим мужем? – осведомился Илья.

– Умер, – коротко ответила она.

Он не стал уточнять подробности. Откровенно говоря, плевать он хотел на покойного супруга этой скукоженной замухрышки, как, собственно, на нее саму с этим хнычущим дурачком в коляске, с ног до головы усыпанным опилками. Но где-то глубоко внутри теплилось странное чувство, доселе ему незнакомое, нечто граничащее с благодарностью к этой оборванной нищенке.

Ведь несмотря ни на что, Наталья его спасла. *Действительно* спасла.

«Вот только зачем?!»

Илья фыркнул.

«Спасла и ладно», – про себя проговорил он.

Он не знает, что будет через пять минут, голова все еще раскалывалась от сосущей боли, ныло простреленное плечо, и замораживаться о причинах столь благородного поступка лысой нищенки попросту не было желания.

Кряхтя, он выпрямился, оглядываясь по сторонам:

– Как ты здесь живешь? Извини, но собаки на помойке и то лучше себя чувствуют.

– Значит, такова моя судьба, – сухо отозвалась старуха. Она была занята тем, что аккуратно заворачивала в обрывок полотенца последние остатки еды – сушеную рыбу и лепешку. – Так и живу. На зиму заготавливаю дрова. Печка работает исправно. Все щели затыкаю тряпками. Повешу новый полиэтилен на окна. За спичками и мукой хожу в поселок. Жаль, дверь сломали, но как-нибудь справлюсь.

– А продукты? А чистая вода? Ведь от такой жрачки ноги в ласты склеишь, – возразил Илья, указав на пыльную банку с сушеными ягодами.

– Так не всегда было. Когда мои ноги были здоровы, я ставила силки на птиц, ходила на море рыбачить. В лесу можно было найти яблоки, орехи с грибами... Воду я беру из родника, он не замерзает даже зимой.

Она положила сверток с нехитрой снедью на край замусоленного стола:

– Это тебе.

Илья повернул голову, нахмурившись:

– Я не очень понимаю, чем заслужил такое гостеприимство.

Он медленно зашагал по комнате, внимательно разглядывая уныло-нищенский интерьер помещений.

– Наша встреча не случайна, – глухо произнесла Наталья, но Труднов ничего не ответил. Он вновь остановился возле фотографии с девочкой, прилепленной к стенке. Наклонился вплотную, так, что кончик его носа буквально касался испарпанной поверхности карточки.

Заметив, как он разглядывает фотографию, Наталья плотно сжала губы, прижав руки к обвислой груди.

– Кто эта девчонка? – негромко поинтересовался Илья. – Твоя дочь?

– Да.

Он не видел, как заблестели от влаги глаза старухи.

– Что с ней? Где она сейчас? – настойчиво произнес он.

Ответом было угрюмое безмолвие, и Илья развернулся лицом к пожилой женщине.

– Почему ты молчишь? Она мертва?

– Можно сказать, что да.

Беглый зэк обхватил виски руками, устало прикрыв веки.

– Тебе плохо? – без особого сочувствия спросила Наталья.

– Я не знаю. Я не могу понять, что со мной.

Открыв глаза, Илья неожиданно сказал:

– Стоп. Только ничего не говори. Но... Мне кажется, что я знал ее. Как ее звали?

– Аяна.

– Аяна, – прошептал Илья, покачнувшись. Его обветренные губы беззвучно зашевелились, будто он вновь и вновь повторял редкое имя, как если бы пробовал его на вкус.

Сделав еще пару шагов, он с удивлением воззрился на крошечный домик из розового пластика, притулившийся в углу настенной полки. Он осторожно взял его в руки и, приподняв съемную крышу, с изумлением рассматривал домашнюю утварь – миниатюрную кровать, коврик, шкафчик, комод с блеснувшим кружком зеркала...

– Это что?

– Положи на место, – холодно потребовала Наталья, и что-то прозвучавшее в ее голосе заставило Труднова безропотно подчиниться. Он убрал игрушку на место и с безразличным видом сунул руки в карманы.

– Давай лучше поговорим о тебе, – смягчила тон старуха. – Что ты собираешься делать?

– Тебе так важно это знать? Какое тебе дело до меня, баба Наташа?

Она пожала плечами, и в воздухе повисла тягостная тишина.

Илья невидяще смотрел в заклеенное полиэтиленовой пленкой окно, мысли тяжело и неуклюже ворочались в уставшем мозгу, будто куски льда при стремительном половодье.

– Я ведь неспроста тебя об этом спросила, – прервала молчание Наталья. – А знаешь почему? Да, ты резкий и жестокий. Да, ты подонок, потому что поднял руку на нищую старуху – это я о себе. Ты груб, как зверь. Но я не верю, что ты *сумасшедший и больной* зверь. Я не верю, что ты насиловал тех несчастных женщин и глумился над их мертвыми телами.

– И что с того? Для всех я маньяк и убийца. Мне от твоих слов ни тепло ни холодно, – сказал Илья, и голос словно треснул, как лобовое стекло от попавшего камушка. – От твоего мнения что-то изменится?

– Может быть, – тихо произнесла она. – Может быть, Илья. «Она впервые назвала меня Ильей, а не этим идиотским «Ильюша», – пронеслась у беглеца мысль.

– Ладно. Все равно это ничего не меняет, – подытожил он. – Знаешь что? Мне чихать, согласишься ли ты мне или нет, но...

Труднов прокашлялся, словно подбирая нужные слова.

– Сколько сейчас времени? У тебя есть часы? – внезапно задал он вопрос, и Наталья полезла в засаленный карман.

– Половина восьмого. Куда-то спешишь?

На небритом лице зэка заиграла кривая улыбка:

– Видишь ли, я не знаю того человека, который устроил перестрелку на дороге. Кто он? Его смертельно ранили, но он успел мне сообщить, что в девять вечера у моря будет ждать лодка. Там, где остатки причала. Как далеко до причала? Я

знаю, что море неподалеку.

– Выйдешь наружу, все время держись правее. Выйдешь на дорогу, она тут одна. Перейдешь трассу, увидишь тропу на холм. Оттуда до причала десять минут пешком. На все уйдет максимум полчаса, – ответила Наталья, стараясь скрыть охватившее ее волнение.

Илья поднял голову, и она была поражена, увидев смятение в его глазах.

«Нет, – поправила она себя. – Это не смятение. Это страх».

– Я не знаю, кто меня там будет ждать, – сказал он глухо. – Я не знаю, кто мои родители и где живут. Я понятия не имею, *кто я такой*.

Глубоко вздохнув, он добавил еще тише:

– И я не знаю, как так получилось... Как получилось, что меня обвинили во всем этом беспределе, из-за которого я оказался за решеткой. Потому что я ничего не помню. Ты веришь мне?

Старуха долго молчала, затем со вздохом ответила:

– Это не имеет никакого значения.

– Знаешь, я часто вижу сны, – произнес Труднов. – И в этом сне я все время оказываюсь в холодном озере... Я захлебываюсь и камнем иду на дно. А потом меня кто-то спасает...

– Ты тонул в детстве?

Илья неуверенно пожал плечами:

– Я не помню. Наверное.

Из комнаты, где находился Роман, раздался шорох, и вслед за ним невнятное бормотание.

– Я проверю Рому, – словно извиняясь, сказала она Илье и, ковыляя, засеменила из кухни.

Пока ее не было, Труднов, как загипнотизированный, буравил взглядом фотографию на стене.

Аяна...

Неужели они где-то встречались?

Спустя пару минут Наталья вернулась.

– Он уснул, – известила она Илью, без сил опускаясь на разваливающийся стул. Усаживаясь, пожилая женщина задела больную ногу и охнула.

– Так хреново? – спросил Труднов. – Извини. Ты сама на-рвалась.

– Справимся, – процедила Наталья.

«Ни черта ты не справишься», – уныло подумала старуха, и ее охватил страх. Пора действовать, а не жевать сопли.

– Без денег и связей ты пропадешь, – начала она, стараясь говорить спокойно. – И тебе нужен врач. Мои тряпки помогут лишь на короткое время. Поэтому иди к морю и жди свою лодку. Другого выхода у тебя нет. Возможно, тебя там будет ждать друг.

– Вполне вероятно. А может, и шакалы, – мрачно заметил Илья.

– Может, и шакалы, – согласилась старуха. – Давай так,

сын. У тебя что, есть другие варианты? Рано или поздно тебя найдут. Деминск давно умер, в радиусе десяти километров тут ничего нет. В городе нет ни электричества, ни связи, ни водоснабжения. Тут только птицы, крысы и бродячие псы. Кстати, остерегайся их.

Илья снова обхватил голову руками. Искоса взглянул на золотоволосую девочку на фото, и в какой-то безумный миг Труднову почудилось, что она ему подмигнула.

– Мне кажется... Мне кажется, я был здесь, – растерянно проговорил он, стараясь больше не смотреть на фото. – Как такое возможно?

Старуха пожала плечами. Она принесла два свечных огарка и зажгла их. В комнате стало немного светлее.

– Я тоже ловлю себя на мысли, что твое лицо мне знакомо. Вот только голос... – сказала она задумчиво. – Ты шипишь. Вот если бы я слышала твой настоящий голос...

– Меня ударили заточенной ложкой, пока я был в СИЗО, – нехотя произнес Илья. Он внимательно посмотрел на замершую старуху:

– Говори. У тебя такой вид, что ты все собираешься что-то сказать, но каждый раз передумываешь.

Черты лица Натальи, взрыхленные глубокими морщинами, внезапно разгладились. Она будто ждала, что Илья сам начнет этот разговор, избавив ее от долгой прелюдии.

– Я хочу предложить тебе маленькую работу, Илья, – тихо промолвила она. – И она будет хорошо оплачена.

Труднов скептически поджал губы.

– Поставить тебе дверь? Или нанести дров, баба Наташа? В общем-то я обязан тебе, так что давай, валяй. Только в пределах разумного, у меня очень мало времени.

– Ты должен пообещать, что поможешь мне, – не сводя пристального взора с глаз Ильи, настаивала старуха.

Тот рассмеялся:

– Веселая ты бабулька, как я погляжу!

Наталья даже не улыбнулась.

– Ты не ответил. Это не займет много времени. Тебе просто нужно будет отнести одну вещь кое-куда.

– Что за вещь? И куда?

Кряхтя от напряжения и ноющей боли в ноге, она поднялась со стула.

– Похоже, мне скоро придется ползать, – вымученно улыбнулась старуха. Подволакивая распухшую ногу, она куда-то вышла и спустя несколько минут вернулась, неся в руках клетку для птиц. Она была помятой, изъеденной ржавчиной, набитой внутри обрывками пожелтевших газет.

– Тебе нужно отнести это на маяк. Точнее, на самый верх того, что от него осталось. Купола, где была лампа, давно нет, но есть маячное помещение. Просто вытащи то, что внутри клетки, положи это на пол, и все.

Наталья осторожно поставила клетку перед Ильей.

– Это не займет много времени. Иди прямо сейчас. Потом вернешься к причалу, ты успеешь к девяти часам.

Илья с изумлением уставился на ржавую, неказистую клетку, набитую рванными газетами.

– Что это за хрень? – изумленно спросил он.

– Мой талисман. Впрочем, это неважно.

Он встал на ноги, направив указательный палец в старуху, будто ствол пистолета:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.